

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

К ВОПРОСУ О КИДАНЯХ И ТУНГУСАХ

В первом номере журнала «Советская этнография» за 1948 г. помещена интересная статья Е. М. Залкина «Кидане и их этнические связи». Автор, дав исчерпывающую характеристику и оценку литературных источников по вопросу о киданях, ставит себе задачу «привести наиболее существенные суждения об этнической принадлежности киданей и на этой основе, с привлечением некоторых дополнительных источников, прийти к определенному заключению по этому вопросу» (стр. 45). Статья оканчивается заключением, что «киданей следует рассматривать как древнемонгольскую народность, остатками которой являются современные дауры. Под властью этой народности в Великом Ляо жили народы и племена различного этнического происхождения, в том числе тунгусы-солоньки» (стр. 62).

Разбирая вопрос о взаимоотношениях киданей и других племен, автор статьи связывает историю киданей с историей «тунгусов, не только маньчжурских, но и всех тунгусов в целом». Основание этой связи он находит в двух случаях: во-первых, в названии солнца (киданское *šikwan* и тунгусское *šiwun*), во-вторых, — случай с начальным *h-*, который по диалектам эвенкийского языка и по языкам тунгусо-маньчжурской группы относится к ряду *О-~h-~n-~φ-*. Рассмотрев эти факты, он приходит к выводу: «таким образом, архаичность западно- и севернотунгусских диалектов позволяет датировать переселение тунгусов на запад в бассейн Енисея, а равно и на северо-восток Азии предположительно XII—XIV веками»; хотя дата и «носит весьма приблизительный характер, но те лингвистические соотношения, которые можно установить при современном уровне изученности тунгусских языков, позволяют считать ее гипотетически допустимой» (стр. 61).

Таким образом, анализ двух лингвистических случаев дал возможность высказать гипотезу, поддерживающую уже известную всем точку зрения об амурском происхождении тунгусов и о передвижении их на систему Енисея в относительно недавнее время (XII—XIV вв.). Рассмотрим эти два факта.

1. «Название солнца как в западных тунгусских диалектах (*šiwun*), так и в крайних восточных (негидальское *šiwu*) близко к киданскому *šikwan*, причем в прибайкальских эвенкийских наречьях подобного слова нет», — пишет Е. М. Залкинд (стр. 60). Это не совсем так. В эвенкийском языке для слова «солнце» есть два синонима: *дылача* и *сигун*. Второй распространен в меньшем числе диалектов, а именно в говорах: Туруханского района (между Обью и Енисеем — сымские: *шигун* ~ *шиву*), Илимийского района Эвенкийского округа (к северу от Нижней Тунгуски — илимпийские: *хивун*, *дылача*), Тимптонского района Якутии (по системам рек Чульман, Тимптон, Сутам, Гонам — чульманские: *сивун*), в Джелтулакском районе Амурской области (по системе Гилюя и правым средним притокам Зей — гилюйские: *сигун*) и в Маньчжурин (система р. Быстрой — хинганские: *сигун*). Этот же синоним имеется в языках онгороз (*сиун*), солонов (*шигун*) и негидальцев (*сивун* ~ *шун*, *нюлтэн*); на территории нижнего Приамурья — в ороцком (*сиу* ~ *сеу* ~ *сяу*), в ороцком (*сиун*), в удэгейском (*су*), в ульском (*сиун* ~ *сун*), в нанайском (*сиун*) и, наконец, в маньчжурском (*сун*). Повидимому, Е. М. Залкинд видит в этой общности названия «солнца» киданское влияние, а киданей, считает он, следует «рассматривать как древнемонгольскую народность». Следовательно, слово *сигун* ~ *шикун* должно было существовать в древне-монгольских языках и перекочевало в тунгусские. Если так, то в этом варианте оно должно было бы сохраниться в каком-либо из монгольских языков, но в монгольском XIII—XIV вв. мы знаем *наран*, в современном — *наран*), в калмыцком — *нарн*. Едва ли могло исчезнуть слово, выражающее такое древнее понятие, и, с другой стороны, трудно себе представить заимствование слова для понятия, появившегося в весьма древние времена. Слово *сигун* в различных фонетических вариантах характерно для языков тунгусо-маньчжурской группы. Если же искать параллели ему, то они приведут к древнейшему корню *cVl ~ cVn*¹, который

¹ См. нашу статью «Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы», Труды Института этнографии, новая серия, т. II, 1947.

восходит к древнейшим языкам, существовавшим до начала становления языков алтайской системы. Этот корень-слово в варианте *сVн* вошел и в тунгусские языки, в которых он развился уже в сложном виде *си(н) + гун ~ си(н) + вун*. Распространение его по диалектам и говорам эвенкийского языка также говорит против гипотезы Е. М. Залкинда. Он бытует в говорах к западу от Енисея, к северу от Нижней Тунгуски — в «окраинных», на востоке — по соседству с бывшей территорией киданей, на правых и левых притоках Амура и к северу от них на притоках Алдана (Тимптон; Сутам, Гонам — система Учкура). Эвенки, говорящие на них, происходят в значительной части от верхнеамурских тунгусов, которые, несомненно, были в каких-то взаимоотношениях с киданями.

2. Относительно начального *h-* автор статьи пишет: «Эта древнемонгольская, а хронологически, позволительно предположить, и киданьская форма сохранилась у западных и северных тунгусов, а также и в некоторых архаичных даурских диалектах, исчезнув у прибайкальских и нерчинских тунгусов, а равно и монголов, в процессе своего языкового общения подвергшихся влиянию определенных факторов, оказавших воздействие на фонетический строй соответствующих языков» (стр. 61).

Диалектологические материалы, собранные нами в течение 24 лет от большинства эвенкийских групп², дают следующую картину.

Слова с начальным *h-* произносятся различно не только в пределах разных говоров, но и в пределах произношения одного лица. Эта фонема крайне неустойчива, она то произносится полностью, то очень вяло, то переходит в аспирацию, то исчезает совсем. Такое соответствие *h- ~ O-* характерно для всех говоров и лишь в говорах, распространенных в северной части Бурятской АССР (Северо-Байкальский и Баунтовский районы), процесс исчезновения *h-* развился настолько сильно, что для этих говоров можно считать характерным отсутствие начального *h-*.

Записи, произведенные по словнику для словаря Палласа в XVIII в.³ Кастреном в XIX в.⁴ и студентами Иркутского университета (помещены в словаре Титова⁵), и записи, произведенные в 1900 г. Птичьим⁶ от эвенков с р. Голоусная в 55 км от пос. Лиственничная у южного берега Байкала, дают такую же картину неопределенности начального *h-*.

Приведем некоторые примеры, взятые из указанных говоров:

Баргузинск. (Б) и северобайкальск. (СБ), XVIII в.	Нерчинские, XIX в.	Южнобайкальск., 1900 г.	Северобайкальск. (СБ), баунтовск. (Б), верхоленск. (ВЛ), 1925 г.	Современн. баргуз. (Б), северобайк. (СБ)	Перевод
хутэ (Б)	хутэ~утэ	хутэн-	уто~хуто (СБ), (ВЛ)	утэ (СБ)~хутэ (Б)	сын, дочь,
унаджи (Б)	унат	—	унат (СБ)~хунат (СБ)	унат (СБ)~хунат (Б)	родить девушка
хэгды (Б)	агды	хагдымор	огды (СБ)~хогдыкун (ВЛ)	эгды (СБ)~хэгды (Б)	большой
халган (СБ)	алган~халган	халган	алган (СБ)~халган (ВЛ)	алган (СБ)~халган (Б)	нога

Таким образом, на протяжении двух веков в эвенкийских говорах вокруг Байкала начальный *h-* оставался в одном состоянии, несмотря на взаимодействия с бурятским языком, и только в говорах северных районов Бурятии процесс исчезновения начального *h-* за последние годы, повидному, развился.

Наоборот, в говорах потомков верхнеамурских эвенков, так же как в языках нижнеамурских народов, в ряде слов сохранился *h-*, уже утерянный большинством эвенкийских говоров (см. примеры в таблице на стр. 168).

Если для тунгусских языков следовать теории Пелью об исчезновении начального *h-* в процессе языкового общения и под влиянием «определенных факторов», то непонятно, каким образом, помимо сохранения *h-*, характерного для всех, в амурских эвенкийских говорах и других тунгусских языках он сохранился, исчезнув в других говорах; предки этих народностей, несомненно, были в орбите влияния киданей.

Любопытно посмотреть эвенкийский состав слов с начальным *h- ~ O-* сравнительно с монгольским. На 850 примерно случаев 95 имеют соответствия в монгольском. Значительная часть этих соответствий относится к позднейшим заимствованиям

² См. о диалектах подробнее нашу книгу «Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка», Л., 1948.

³ Сравнительный словарь языков и наречий, Петербург, 1787 г.

⁴ Castren's Reisen und Forschungen, т. IX, 1856.

⁵ Е. И. Титов, Тунгусско-русский словарь, Иркутск, 1926.

⁶ Вл. Птицын, Очерки тунгусского языка, Петербург, 1903.

Эвенкийский литературный язык	Амурские говоры эвенкийского языка	Нанайский язык	Ульчский язык	Сымские говоры эвенкийского языка (к зап. от Енисея)	Перевод
урэ (1)	урэ~хурэ (1)	хурэн (1)	хурэ (1)	урэ (2)	гора (1), тайга (2)
асикта асикта (1) осин (2) орокто (1)	ахикта охикакта (1) хохин (2) хорокто (1)	хасекта хосекта~ осекта (1) хорокта(2)	хаста хоста (1) соакта (1)	ашекта ошин (1) хошин (2) хорокто (1)	ель звезда (1); искра (2) трава сухая (1); кора (2) назад
амаски	амаски	хамаси	хамаси	амашки	

из бурятского. Из других — часть аналогий типа монгольского *косгуйе* — камень, эвенкийское *хисэ ~ ихэ*, в которых эвенкийское *h- ~ О-* соответствует в монгольском гортанному *k-*. И лишь небольшая группа слов имеет в древнемонгольском начальный *x-*. Приведем примеры:

Монгольский язык XIV в.	Совр. монгольский язык	Бурятский язык	Эвенкийский язык	Перевод
халакан — хүлэ'ү	алаган алху (1) үглөгү	альга (н) алхо (2) улу	ханнга~аннга халган~алган (2) хэлэкэ~элэкэ, хулэкэ~улэкэ хирул~ирул-(4)	кисть руки, ладонь шагать (1), нога (2) излишек, остаток
хиругер (1)	ирү'ар (2) хиру'ар (3)	—		благословение (1); просьба (2); молитва (3); говорить во время камлания (4)
хора]] —	ороі орон~орун (1)	ороі хора аса (2)	хорон~орон харан~аран (3)	макушка, темя место (1); балки, на которых держится крыша юрты (2); чум, место очага, очаг, место спанья, кой- ка (3)

Некоторые из таких слов имеют аналогии и в тюркских языках и даже шире — в финноугорских (например, «часть»: эвенк. *хан~ан*, маньчж. *фали*, монг. *анги*, тюрк. *па ~ пел ~ бл ~ вала*, венг. *фал*, финск. *пала*, хантыйск. *пул*). Если можно говорить о монгольском *h->О-*, то этого нельзя сказать об эвенкийском. А это же основания, которые позволяют Е. М. Залкинду датировать переселение тунгусов в бассейн Енисея «предположительно XII — XIV веками».

Расселение древних тунгусов между Байкалом и Енисеем и севернее по притокам Енисея имело место на много веков раньше. Приведу несколько случаев, помогающих отнести это расселение к какому-то времени.

Первое. Древние тунгусы на бассейне Енисея уже вполне оформились как самостоятельная группа с шекающим диалектом в тот период, когда началось первое передвижение саянских самоедов на север. Самоеды прошли через территорию енисейских тунгусов, что отразилось как в языках, так и в фольклоре обеих народностей. Ряд слов заимствован в самоедских языках из тунгусского и наоборот (см. примеры в таблице, на стр. 169).

Последние исследования по этногенезу самоедских племен, проведенные Е. Д. Прокофьевой, позволяют ей относить первые передвижения саянских самоедов на север к первому веку н. э.

Второе. В говорах к югу от Нижней Тунгуски зарегистрирована одна форма образования числительных второго десятка из слова «двадцать» в отправительно-направительном падеже (Аллативус) и единиц: «двенадцать» переводится дословно: к двадцати два. Такой способ образования в языках Азии был отмечен только в двух случаях: в орхонских надписях, в названии одиннадцатого месяца уйгусского календаря, и у монголизычных хара-егуров на границе с Тибетом⁷.

⁷ В. Бартольд, Система счисления орхонских надписей в современном диалекте, Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XVII, вып. IV, 1917.

Тунгусские заимствования в самоедских языках

Эвенкийский	Самоедские
<i>ламу</i> ~ <i>лам</i> — море	ненецкий <i>ям</i>
<i>ланг</i> — пасть, ловушка	<i>янго</i>
<i>лапча</i> — хвост рыбий	<i>ябцо</i>
<i>нюнгняки</i> — гусь	<i>нюня</i> — гагара
<i>сангикса</i> — иней	<i>санюй</i> — сырой воздух
<i>сона</i> — остов чума	<i>хо'ни ху'ни</i>
<i>серанг</i> — жердь чума	<i>сея</i> — часть чума
<i>тырэксэ</i> — икра	<i>тиребя</i>
<i>эндэги</i> — Енисей	<i>еня ям</i> — Енисей (букв. Енисей море)
<i>мана</i> — лапа	<i>мана</i> — лапа морского зверя
<i>киглэ</i> — лыжа	селькупск. <i>кагды</i> — нарта
и др.	

Самоедские заимствования в западных говорах эвенкийского языка

Самоедские	Эвенкийский
<i>сяр</i> — табак	<i>сар</i> ~ <i>хар</i>
<i>се</i> (коми; <i>селем</i>)	<i>сэлэмэ</i> — сердце
<i>пече</i> — сорoga (рыба)	<i>печер</i> — удочка с приманкой
<i>хар</i> — нож	<i>пурта</i>
и др.	и др.

Если эта форма была в диалектах орхонских тюрков VII—VIII вв. н. э., то допустимо, что она попала в западные диалекты эвенкийского языка в те же века (больше нигде подобная форма не зарегистрирована).

Третье. В одном из обрядов сымских эвенков (к западу от Енисея) эвенки в течение нескольких дней имитируют передвижение вверх по реке на юг, затем на восток к истоку. В шаманских представлениях всех енисейских эвенков главная шаманская река «нижний мир», или «мир мертвых» начинается на востоке, течет на запад и на север, в нее впадают много рек разных шаманов. Эти моменты позволяют предполагать, что движение древних тунгусов к Енисею шло по Ангаре, может быть и по Подкаменной Тунгуске. Шаманская главная река с притоками — шаманскими реками, нам кажется, является отражением той социальной организации (племени, объединяющее роды), каковая уже была в тот период.

Четвертое. Все три Тунгуски называются по-эвенкийски Катэнгами; Хатангой называется река, впадающая в Ледовитый океан, причем в верхнем течении она называется Котуй. Притоки Ангары и других Тунгусок в большинстве случаев носят эвенкийские названия. Само название Енисей было дано древними тунгусами. В записях Мессершмидта 1723 г. реки Ангары и Енисей ниже ее устья названы Йоандези, а в современном сымском диалекте Енисей называется *јэндРэги* и в илимпийском диалекте — *јэндэги*. Самоедские племена пришли на Енисей, когда уже существовало это название. Слово *јэнэ* было характерно для языка приангарско-прибайкальских тунгусов; оно обозначало: гора, исток реки, река (большая); отсюда: *јэндРэги* ~ *јэндэги* обозначает каменный уголь и минеральная черная окраска. Слово *јэнэ* занесено группами этих эвенков и на восток и отмечено в говорах алдано-учурских, амгунско-чумикацких и сахалинских эвенков. Употребляется преимущественно в фольклоре и в значении очень широкой и длинной реки. Иногда для подчеркивания мощности реки употребляют в речи дублет: *јэнэ-бира*, дословно река + река.

Эти факты говорят о том, что древние тунгусы расселились по рекам Енисея не в XII—XIV вв., а в первых веках н. э.

Расходясь по притокам Ангары и Подкаменной, они встретили аборигенов, которых и ассимилировали. Память об аборигенных племенах отрывочно сохранилась в фольклоре енисейских эвенков. Это были рыболовы. Рыбу ели в сыром виде. Содержали собак и питались их мясом. Диких оленей и лосей ловили живыми и с живых сдирали чулком шкуру. «Шкуру только и брали для одежды», ободранных оленей отпускали. Эвенки называют одно аборигенное племя *хуладол*, другое — *чури*; они были очень маленькими и на зиму забирались в землю спать⁸.

Ассимилировав аборигенов, эвенки системы Енисея выработали свой культурный комплекс и свои диалекты (*ш*-диалект — бывшие ангарские; *х*-диалект — ниже-

⁸ См. несколько подробнее нашу работу «К вопросу о палеоазиатах в Сибири» (рукопись).

тунгусские), отличные от культурного комплекса и диалекта забайкальско-амурской группы.

Забайкальско-амурская группа имела другую историю. Она развивалась во взаимодействии со скотоводческими племенами. Потомки их, в дореволюционной литературе носившие название орочены, сейчас расселены по верхним притокам Олекмы, Алдана, Амура и по системе Зеи. Основные особенности их культурного комплекса мной уже были описаны⁹. Они выработали в древние времена свой с-диалект, элементы которого и вошли в другие тунгусо-маньчжурские языки¹⁰. Позже смешение их с северными, говорящими на х-диалекте, дало и скрещенные х-, с-говоры.

Остановлюсь на некоторых моментах, указывающих на былые связи со скотоводческими племенами. До недавнего прошлого некоторые из этих эвенков клали на могилу изображение коня. В сказаниях их герои чаще ездят на коне. Во всех сказаниях герои берут жен от племени, имеющего много лошадей и коров. Любопытен один этноним — Торганэй, которым названы то женщина, то мужчина, то сам герой. Если отбросить окончание *-нэй*, характерное для собственных имен героев (*Алтанэй, Сирбунай, Мучунэй* и др.), то остается *торга(н)*. С этнонимом *торган* мы знакомы с XVII в. На карте Татарии, изданной Витсенем в 1692 г., назван народ торганский. Люди из племени торгачинов первые принесли в Цицикар известие о восстановлении разрушенного китайцами города Албазина. Первый путешественник, лично познакомившийся с этим народом и сообщивший о нем сведения, был Исбранде Идес. По его словам, это — особое племя, платящее дань китайскому императору и живущее хлебопашеством и скотоводством. Люди этого племени хорошо стреляли из лука и говорили на языке, сходном с тунгусским. По сообщению спутника Исбранда Идеса — Брандта, тунгусы русской Даурии считали себя одного рода и происхождения с таргачинами или даурами. Шренк считал их ветвью дауров, которая занималась охотой больше, чем дауры¹¹.

Описание, данное Идесом, и указание на сходство языков не расходятся с данными сказаний о Торганэй. В последних эвенки свободно разговаривают с ними. Отец Торганэй имеет много коров и лошадей, но он враждебно настроен против эвенкийского богатыря.

Возможно, что эти *торгане* ~ *торгачины* были такой же тунгусоязычной группой, как и манегры, возможно, они были родом даурского племени. Расселение даурского племени по системе Зеи заходило за Яблоновый хребет — Джугдыр и оставило свои следы в названиях притоков Сутама (система Учюра, правого притока Алдана) в виде Даурка, Дауркакан, Даурский язык в настоящее время относится к монгольским, но некоторые эвенкийские слова в даурском сближают его с верхнеамурскими говорами (например, *мышь* — *ачикчан* ~ *ачихчан*, амурск. — *ачикичан*; *волк* — *гускэ*; *грудь*, *грудная клетка*, *спина* — *кэнгээр*, амурск. — *кэнгырэ*; *ворон* — *оли*) и указывают на связи предков дауров с верхнеамурскими тунгусами.

Верхнеамурские тунгусы имели связи с тюркоязычными племенами, следом которых осталась одна глагольная форма, характерная только для этой группы говоров и имеющая аналогию в туркменском и тюркском (турецком) языках. Это форма, образованная при помощи суффикса *-кен* и служащая для выражения подчиненного действия, одновременно с которым (турецкий, туркменский) или после которого (эвенкийский) производится следующее действие. В эвенкийском эта форма может быть без личных (они же лично-притяжательные) суффиксов и с ними, в тюркских языках — без этих суффиксов. Например:

Эвенк.: *Эмэдекен, Ембик гирамкинан оллан*
Би, дюявар хавадякентын, ирэмэ
Эмэдекенми, эвэ минду улиллэн

Турецк.: *Тарлада чапа чапаларкен, еведе емекпишириккен, дередечамаширикаркен, дурмаксизин шарки чагирир*¹²

Придя, Эмбик начал делать могилу
Я, когда они построили дом,
пошел в гости
Когда я пришел, бабушка начала меня кормить
В поле мотыгой работая, дома пишу в аря, в ручье белье стирая, песни непрестанно поет

Как в турецком, так и в эвенкийском суффикс *-кен* не подчиняется гармонии гласных. В туркменском языке эта форма употребляется редко и только в классической литературе¹³.

Тот факт, что между якутским и турецким языком больше общего, чем между

⁹ См. наш отчет «Эвенкийская экспедиция», «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. V, 1949.

¹⁰ См. подробнее «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов», гл. VII, Архив Института этнографии. Реферат этой работы в «Кратких сообщениях» Института этнографии, вып. II, 1946.

¹¹ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, стр. 174—176.

¹² А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка, Москва, 1941, стр. 239.

¹³ А. П. Поцелуевский, Основы синтаксиса туркменского языка, Ашхабад, 1943, стр. 78.

якутским и каким-нибудь из алтайских, что тюркоязычные предки якутов двигались на север как по Лене, так и по ее притокам из Забайкалья, позволяет нам сопоставлять формы на *-кен* в различных языках, находящихся на таком большом расстоянии друг от друга. Суффикс *-кен* в эвенкийских говорах, несомненно, заимствован, так как фонема *e* характерна только для первых слогов и иной артикуляции. Наличие ее в других слогах указывает на заимствование слова. Например: эвенк. *куре* < монг. *курие* — ограда; эвенк. *куге* < якутск. *куте* — зять; эвенк. *отпейкэ* < русск. *отвертка*. Эти факты указывают на связи древних тунгусов верхнего Приамурья как с монголоязычными, так и с тюркоязычными племенами. Нескольким труднее определить, к какому времени это относится. Если принять, что в VI в. в Среднюю Азию «внедряются аварские и собственно тюркские элементы, ассимилирующиеся с местной этнической средой» и что «степи к востоку от Каспийского моря были заняты тюрками еще в VI в.»¹⁴, то переход их с восточных территорий, где началось формирование тюркских диалектов, надо отнести на несколько веков в глубь истории; вероятно, к этому времени относятся и древние взаимодействия.

Вернемся к тунгусам. Где началось формирование тунгусоязычных племен — вопрос, на который точно ответить пока нельзя. Те данные, которые собраны нами к настоящему времени, говорят о сложном составе древних тунгусских племен. Лингвистический материал, подкрепляемый фольклорными, этнографическими и топонимическими данными, указывает на наличие двух древних групп, говорящих на *ш*-диалекте (территория Приангарья — Прибайкалья) и говорящих на *с*-диалекте (территория Забайкалья — Приамурья) в первые века н. э. Вполне возможно допустить, что это были два племени, которые развивались длительное время самостоятельно во взаимодействии как с аборигенами, так и с южными скотоводческими и земледельческими племенами. Имея в виду приведенные выше данные, существование этих племен следует отнести к последним векам до н. э. Тесные связи с другими племенами в последующие века отразились как на названиях эвенкийских родов, так и на диалектах.

Восточная группа имела самые тесные связи как с тюркоязычными, так и с монголоязычными племенами, следовательно, и с киданями и предками дауров. К этому не безынтересно добавить некоторые материалы, собранные нами осенью 1948 г. от эвенков Эдян. Эдяны — Эджени, по китайским источникам, в XII в. были расселены к северу от низовьев Амура. Сейчас их потомки живут в Чумиканском, Кур-Урмийском и Верхнебурейском районах Хабаровского края и несколько меньше — на Сахалине и в Верхнеселемджинском и Зейско-Учурском районах Амурской области. От Эдянов из разных районов мной записаны варианты сказаний. В сказаниях, записанных от урмийских и амгунских Эдянов, часто упоминается земля Кидан — Кедан и род Кидан — Кидак. Эта земля находится на восток от территории охотников тайги. Герои сказаний — лесные охотники — не имеют ни оленей, ни собак. Отправляясь в поход, они идут к истокам большой реки и, перевалив через хребет, двигаются на восток. Некоторые из них идут «по краю земли Кидан». «Кидан-земля» упоминается вместе с Онон-землей, Сивир-землей. Народ, живущий на этой земле, называется Кидан — Кедан — Кедак («дочь солнца Тыгракан, девица Кедан», «дочь, воспитанная тобою, Дарпекчан, девица Кидан», «пришли девицы Кедак» и т. д.). Этот народ ведет борьбу с племенем Чулуоро, живущим где-то на западе и умеющим добывать и выделывать железо. Вожди Кидан богаты скотом (олени — лошади), имеют *бокано*в (слуг). Дочь Монгруни — одного из них — живет в доме за тремя оградками, за ней ухаживают служанки. Кидан по языку не отличаются от героя сказаний, что приводит к удивлению последнего («речь похожа на мою речь»).

Указание на расселение Эдженей в XII в. к северу от низовьев Амура позволяет относить выход тунгусоязычного племени Эдян к морю задолго до указанной даты. Откуда они вышли и где формировались — вопрос дальнейшего изучения. Для нас важно следующее: во-первых, общий для всех вариантов сказаний факт движения на восток, говорящий о том, что тунгусоязычные племена жили где-то на западе; во-вторых, описание племен, с которыми встречались герои эдянских сказаний. В сахалинских вариантах они резко отличаются от таежных охотников как по облику (темный цвет кожи, круглые глаза, кудрявые волосы), так и по культуре (полуподземное жилище *чорана* с надземной частью, сделанной из костей или дерева, и с выходом через дымовое отверстие). В амгунских и урмийских вариантах люди, с которыми встречаются таежные охотники, — скотоводы, живущие в «четырёхгранных» домах. Кроме того, места Кидан теплые. Эти моменты говорят о том, что движение на восток происходило длительное и в различные периоды и, вероятно, пути этого движения были различными. В-третьих, важен момент, указывающий на близкие связи, — таежные охотники брали жен от встречаемых племен. Вероятно, и название рода — Кидарский (Кидан — мн. ч. Кидар), зафиксированное в половине XVII в. нашими историческими источниками среди амгунских эвенков, является следом связей эвенков с киданями.

На основании единичных фактов, приводимых Е. М. Залкиндом, предполагать передвижение тунгусов из Приамурья на запад, да еще датируя его XII—XIV веками, едва ли может быть убедительно.

¹⁴ С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 101; В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, Фрунзе, 1943, стр. 13.